

Макарий

**История русской церкви Том
10**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М15

Макарий
М15 История русской церкви Том 10 / Макарий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 326 с.

ISBN 978-5-4241-1825-8

Митрополит Макарий, в миру Булгаков Михаил Петрович - богослов и историк церкви, академик Петербургской АН с 1854 г. Активно занимался литературной и публицистической деятельностью. Основное место в наследии митр. Макария занимают исторические сочинения ("История Киевской академии" (1843), "История русского раскола" (1854 и 1889), "История русской церкви" (1857-1883). В 12-томной "Истории русской церкви" последовательно и подробно освещена история церкви с X века до патриаршества Никона включительно. Труд ценен публикацией многих древних источников.

ISBN 978-5-4241-1825-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Макарий, 2021

Макарий Митрополит
(Булгаков)
История русской церкви (Том
10)

Митрополит МАКАРИЙ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
КНИГА 5
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ЕЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
(1589-1881)
ПАТРИАРШЕСТВО В РОССИИ (1589-1720)
ТОМ 10
ПАТРИАРШЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ, И МАЛЫЯ, И
БЕЛЫЯ РОССИИ ВОССОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОРУССКОЙ ЦЕРКВИ С
ВОСТОЧНОРУССКОЙ
ОГЛАВЛЕНИЕ
Отдел 2 2
ГЛАВА I 2
ГЛАВА II 83
ГЛАВА III 178
ОТДЕЛ 2

Мне известно было, что братом моим, в Бозе почившим высокопреосвященным Макарием, митрополитом Московским, в начале 1882 г. закончен был 12 том "Истории Русской Церкви", но печатание его отложено было до осени того же года.

После неожиданной кончины брата моего, последовавшей 9 июня 1882 г., между бумагами его я нашел собственноручные его рукописи всего 12 и начала 13 томов "Истории Русской Церкви". Двенадцатый том не имел лишь оглавления, которое и составлено мною. При этом на отдельном листе, моим покойным братом собственноручно карандашом был начертан следующий план тринадцатого тома:

Глава III. Большой Собор в Москве, низложение патриарха Никона и новый патриарх Иоасаф II:

1. суд над патриархом Никоном и его низложение;
2. патриарх Иоасаф II и деяния Большого Собора при участии патриарха Иоасафа, изложенные в "Книге соборных деяний";
3. другие деяния Собора и самого патриарха Иоасафа II:
дела Иоасафа и патриархов касательно Соловецкого монастыря,
дела их касательно Никона;
4. состояние Русской Церкви при патриархах Никоне и Иоасафе II.

Глава IV. Три последние патриарха Московские и всея России.

По этому плану написаны покойным Высокопреосвященным только две первые статьи из 3-й главы, которою начат был 13 том "Истории Русской Церкви", эти две статьи и напечатаны в конце 12 тома.

Протоиерей Александр Булгаков 1883 г.

ГЛАВА I

Когда скончался патриарх Иосиф (15 апреля 1652 г.), все в Москве могли догадываться, что преемником его на патриаршей кафедре будет не кто другой, как Новгородский митрополит Никон, который и при жизни Иосифа был главным советником царя Алексея Михайловича в делах церковных и возвышался над всеми сколько своими личными достоинствами, столько же или даже более неограниченную доверенностию и любовью к нему государя. Никону пророчили

патриаршество еще в то время, лишь только он сделался митрополитом. Сохранилось сказание, что когда он, прибыв в Новгород, поехал в Хутынский монастырь к проживавшему там на покое своему предместнику, митрополиту Аффонию, мужу святой жизни, но по старости и беспамятству добровольно оставившему свою кафедру, и начал просить у него себе благословения, то Аффоний отвечал: "Ты меня благослови" - и после долгого препирательства между ними об этом сказал наконец: "Благослови меня, патриарше". Никон заметил: "Нет, отче святой, я грешный митрополит, а не патриарх..." "Будешь патриархом и благослови меня", - пояснил свою мысль Аффоний и действительно первый принял благословение от Никона, а затем благословил его. Для подобного предсказания о патриаршестве Никона было уже тогда достаточно оснований. Но случилось так, что после кончины патриарха Иосифа довольно долго Никона не было в Москве: он путешествовал в Соловецкий монастырь, чтобы перенести оттуда в столицу мощи святителя Филиппа. И нашлись люди, которые хотели воспользоваться отсутствием Никона и не допустить его до патриаршего престола. Известный протопоп Юрьевца Повольского Аввакум рассказывает в своей автобиографии, что духовник государев, тоже лицо, имевшее великую силу у Алексея Михайловича, протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев целую седмицу постился "с братиею" и молился Богу о даровании России нового патриарха. И по окончании седмицы братия вместе с Казанским митрополитом Корнилием подали за собственноручными подписями царю и царице челобитную "о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах". Кто же были эти люди, которых Аввакум называет "братиею"? Это были, как видно из автобиографии и из других сочинений Аввакума, протопоп Казанского собора в Москве Иван Неронов, человек весьма сильный в московском духовенстве и близкий к царю, сам он, протопоп Аввакум, протопопы - костромской Даниил и муромский Логгин и вообще те самые лица, которые явились впоследствии первыми противниками Никона в деле исправления церковных книг и обрядов и первыми виновниками раскола. Таким образом, еще прежде, нежели Никон сделался патриархом, люди эти уже питали к нему чувства неприязни, хотя он в то время, по свидетельству самого Аввакума, был и считался их другом. Эти люди, особенно Вонифатьев и Неронов, привыкшие при слабом патриархе Иосифе заправлять делами в церковном управлении и суде, желали и теперь удержать за собою всю власть над Церковью и не без основания опасались Никона, достаточно ознакомившись с его характером. Знал ли или не знал Вонифатьев о челобитной, поданной о нем "братиею" царю и царице, но он имел настолько благоразумия, что отказался от чести, ему испрашиваемой, и даже сам будто бы указал царю на митрополита Никона как достойнейшего кандидата для занятия патриаршей кафедры. Тогда царь отправил к Никону послание (это было уже к концу мая), в котором, извещая его о смерти патриарха Иосифа и величая самого Никона своим "возлюбленным любимцем и собенным другом, душевным и телесным", писал к нему: "Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам обирать на патриаршество именем Феогноста (т. е. Богу известного), а без тебя отнюдь ни за что не примемся" и еще далее: "И ты, владыко святой, помолись, чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто Ему, Свету, годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный (т. е. Вонифатьев), тай не в пример, а сказывают: свят муж". Никон,

без сомнения, понимал, что речь была о нем. И, возвратившись в Москву 9 июля, когда принесены были в нее мощи святителя Филиппа, спешил с поклонами и ласками к своим друзьям, Вонифатьеву и прочей братии, чтобы не случилось ему от них какой помехи достигнуть патриаршества. Так по крайней мере рассказывает Аввакум.

Для избрания нового патриарха составлен был чин, по которому оно должно было совершиться. В чине говорилось, что благочестивый царь, не желая видеть Церковь как бы вдовствующею, разослал грамоты во все концы своего государства, ко всем святителям и, извещая их о смерти патриарха Иосифа, приглашал их собраться в Москву для избрания нового верховного пастыря и что вследствие этого в Москву прибыли четыре митрополита: Новгородский Никон, Казанский Корнилий, Ростовский Варлаам, Сарский Серапион и три архиепископа: Вологодский Маркелл, Суздальский Серапион и Рязанский Мисаил со множеством архимандритов, игуменов, протоиереев и священников, а прочие архиереи, которые почему-либо не могли прийти, прислали священному Собору повольные грамоты о своем согласии. Собранным святителям царь приказал "ко избранию на патриаршеский престол написать двенадцать мужей духовных". Святители исполнили волю царя и, написавши, "прислаша к нему имена 12 духовных мужей". Июля в 22-й день послал царь своего боярина Василия Васильевича Бутурлина да думного дьяка Волошенинова сказать святителям и всему Собору, чтобы они из тех 12 мужей избрали одного достойнейшего быть патриархом, "мужа благовейного и преподобного", и потом пришли в Золотую палату известить о том государю. Святители со всем Собором исполнили и эту царскую волю, и когда пришли в Золотую палату, то Казанский митрополит Корнилий возвестил государю от лица всех, что они из 12 духовных мужей избрали на патриарший престол Никона, митрополита Новгородского, а затем предложил государю идти "для такова великого дела" в соборную церковь и помолиться, чтобы Господь Бог по предстательству Пресвятой Богородицы и святых чудотворцев Московских "то великое дело совершил". Государь велел вперед идти в соборную церковь святителям с прочим духовенством и, переговорив с своими боярами об избрании патриарха, пошел туда и сам. В церкви совершены были всем Собором молебствия: Пресвятой Троице, духам бесплотным. Пресвятой Богородице с акафистом, святым апостолам и святым чудотворцам Московским - Петру, Алексию, Ионе и Филиппу. По окончании молебствий царь, посоветовавшись с Корнилием Казанским и со всем Собором, послал "по новоизбранного патриарха" на Новгородское подворье митрополита Сарского да архиепископа Рязанского и с ними боярина Бутурлина, окольного князя Ромодановского и думного дьяка Волошенинова. Так все это должно было происходить по наперед составленному чину избрания, и нет основания сомневаться, что так действительно и происходило. Но за сим последовало неожиданное отступление от чина. По чину предполагалось, что, как только Никон услышит от посланной к нему депутации повеление государя явиться в соборную церковь по случаю избрания его на патриаршество, он тотчас явится, скажет речь государю, примет от него и от всех поздравление и пр. Вышло, однако ж, не так: Никон не захотел идти в соборную церковь, о чем депутация и возвестила царю и всему Собору. Посылали за Никонем еще не однажды, не дважды, а много раз: Никон не покорялся. Послал, наконец, государь главнейших своих бояр и архиереев, чтобы они взяли Никона

против его воли и привели на Собор, - Никон был приведен. И начал царь со всем своим синклитом, духовенством и народом умолять Никона, да будет патриархом в Москве и России, но Никон не соглашался, называя себя смиренным, неразумным и не могущим пасти словесных овец стада Христова. Прошло много времени в напрасных мольбах. Наконец, царь и все присутствовавшие в церкви пали на землю и со слезами молили Никона принять патриаршество. И не вытерпел Никон при виде царя в таком положении, заплакал сам вместе со всеми и, вспомнив, что сердце царя, по Писанию, в руке Божии, обратился к нему и ко всем находившимся в церкви с такими словами: "Вы знаете, что мы от начала приняли св. Евангелие, вещания св. апостолов, правила св. отцов и царские законы из православной Греции, и потому называемся христианами, но на деле не исполняем ни заповедей евангельских, ни правил св. апостолов и св. отцов, ни законов благочестивых царей греческих... Если вам угодно, чтобы я был у вас патриархом, дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви пред Господом и Спасителем нашим и Его Пречистою Материю, ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила св. апостолов и св. отцов и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушаться и меня как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства". Тогда царь, и все бояре, и весь освященный Собор произнесли пред святым Евангелием и пред святыми чудотворными иконами обет исполнять все, что предлагал Никон. И Никон, призвав во свидетели Господа, Пресвятую Богородицу, ангелов и святых, изрек свое согласие быть патриархом. Правда, все это об избрании Никона мы знаем только из его собственного рассказа. Но, излагая этот рассказ, Никон говорил: "Господь Бог свидетель есть, яко тако бысть" - и смело повторял этот рассказ пред самим царем Алексеем Михайловичем и пред своими врагами, которые могли бы обличить его в неправде, а еще прежде смело указывал на это событие даже в печатных богослужебных книгах.

Июля 23-го происходило наречение новоизбранного патриарха по прежде составленному чину, а 25-го Никон посвящен был в сан патриарха Казанским митрополитом Корнилием и другими архиереями в Успенском соборе в присутствии самого государя. В тот же день царь давал обед в Грановитой палате для нового патриарха и всех духовных властей, при чем находились и некоторые знатнейшие бояре. В обычное время Никон вставал из-за стола и ездил кругом Кремля на осли, а осли под патриархом водили бывшие с ним за столом бояре: князь Алексей Трубецкой, князь Федор Куракин, князь Юрий Долгорукий и окольничие: князь Димитрий Долгорукий да Прокопий Соковнин. Святители, участвовавшие в поставлении патриарха Никона, дали ему настольную грамоту за своими подписями и печатами и в ней, между прочим, сказали: "С великою нуждею умолиша его на превысочайший святительский престол", чем подтвердили его собственное о том сказанье. Никону едва исполнилось тогда 47 лет от рождения, и он вступил на патриарший престол еще во всей крепости своих сил.

Патриаршествование Никона составляет эпоху в истории нашей Церкви. При нем началось соединение двух частей ее, двух бывших митрополий, Западнорусской, Киевской, и Восточнорусской, Московской, которые разделены были около

двух столетий, - соединение, совершавшееся потом медленно и постепенно в продолжение значительного времени. И Никон первый начал называться патриархом "Московским и всея Великия, и Малыя, и Белья России". При нем и при его главном участии действительно началось вполне верное и надежное по своим основам исправление наших церковных книг и обрядов, какого прежде у нас почти не бывало, продолжавшееся и при его преемниках, и вслед за тем начался и русский раскол глаголемого старообрядства, продолжающийся доселе. При Никоне или, вернее, самим Никоном сделана была самая смелая из всех когда-либо у нас бывших и решительная попытка отстоять самостоятельность и независимость Русской Церкви от светской власти, хотя и кончившаяся для него неудачно. При Никоне чаще, чем когда-либо, происходили сношения Русской Церкви с Греческою по делам церковным, чаще, чем когда-либо, приезжали к нам высшие греческие иерархи и при их участии совершались у нас такие Соборы, каких ни прежде, ни после у нас не бывало. Да и сам Никон, с его необыкновенным умом и характером и с его необыкновенною судьбою, представляет собою такое лицо, которое резко выдается в ряду других наших патриархов и всех когда-либо бывших в нашей Церкви первосвященников.

Патриаршествование Никона продолжалось всего четырнадцать лет и четыре с половиною месяца. Но из них он только шесть лет был действительным патриархом Московским и всея России и управлял Церковию, пока самовольно не оставил своей кафедры. Остальные же восемь лет он уже не был и не назывался патриархом Московским и всея России, а считал себя только патриархом и не управлял Церковию, но не переставал вмешиваться в ее управление и делать попытки к возвращению себе прежней власти, пока не был совсем низложен и лишен сана.

I

На религиозную унию смотрело польское правительство, по крайней мере вначале, как на лучшее средство, чтобы скрепить политическую унию двух главных народов, входивших в состав Польши, русских и поляков, разрозненных по вере, и чтобы совершенно и навсегда отторгнуть этих русских от Москвы, куда невольно влекло их православие, содержимое ими и процветавшее в Москве. А между тем последствия скоро показали, что эта самая уния религиозная, которую с таким рвением старались навязать русским в Польше, всего более отталкивала их от Польши, всего более заставляла их устремлять свои взоры на единоплеменную и единоверную Москву и желать, искать воссоединения с нею. Первый православный митрополит в Западнорусском крае после введения там унии, Иов Борецкий, как мы видели, уже присылал в Москву своего посла с просьбою к государю, чтобы он принял Малороссию под свою высокую руку. Посол этот свидетельствовал: "У нас та мысль крепка, мы все под государеву рукою быть хотим". Второй митрополит, Исаия Копинский также обращался к московскому царю и патриарху с просьбою выслать ему святых мощей, пожаловать ему архиерейскую ризницу и не отвергнуть его в случае, если свирепствующие гонения за веру заставят его искать себе убежища в православной Московской державе. При третьем митрополите, Петре Могиле, действительно бежали из Малороссии от гонения ляхов на православную веру целых два монастыря, Густынский и Ладинский, и нашли себе приют в московских пределах по воле государя, а сам Могила несколько раз сносился с московским царем и просил

материальных пособий себе и киевским церквям и монастырям, равно богослужебных книг и разной церковной утвари. Наконец то, чего так ясно желал Иов Борецкий и в чем сознавали нужду два его преемника, исполнилось при четвертом православном митрополите Западнорусского края.

Когда Петра Могилы не стало (в ночь на 1 января 1647 г.), киевская митрополитская софийская капитула разослала по всей митрополии листы к православному духовенству и дворянам, приглашая их к 25 февраля в Киев на выборы нового первосвященителя. В назначенный день все прибывшие собрались в Софийский кафедральный собор, и здесь единодушно и единогласно, без всякого противоречия, избрали на митрополию епископа Мстиславского, Оршанского и Могилевского Сильвестра Коссова как "известного древностию своего рода, высокими достоинствами, благочестием и расторопностию, а вместе горячностью и твердостью в православной вере", и обязались повиноваться ему как своему архипастырю и просить короля, чтобы утвердил избранного ими митрополита своею привилегиею. Акт избрания подписали более двадцати духовных особ и до пятидесяти светских. В числе духовных находились: Афанасий Лузина, епископ Луцкий, Иннокентий Гизель, ректор киево-братского коллегиума, бывшие сослуживцы Коссова по тому же коллегиуму; Исаия Трофимович Козловский, игумен никольский, Игнатий Оксенович Старушич, игумен выдубицкий, и Иосиф Кононович Горбачий, игумен Михайловский, многие другие настоятели и наместники монастырей, протонереи и священники. Во главе светских подписался Адам Кисель, кастелян киевский; за ним следовали три князя Четвертинские, валахский господарь Моисей Могила, родной брат скончавшегося митрополита Петра Могила, и другие. Будучи избран на митрополитскую кафедру, Сильвестр Коссов не мог быть избран вместе и на другую важную должность, которую занимал его предместник, на должность архимандрита Киево-Печерской лавры, так как должность эта была предоставлена королем Владиславом только лично Петру Могиле до его живота. И братия лавры на основании давнего своего права, пригласив к себе ближайших к Киеву дворян, еще 25 января избрали себе настоятелем человека, которого рекомендовал им пред своею кончиною сам Петр Могила, именно старшего (игумена) виленского Свято-Духова братского монастыря Иосифа Тризну, который происходил из знатного старинного рода, с ранних лет был пострижен и воспитывался в Киевской лавре и хорошо знал инокеский закон и богословские науки. Иосиф Тризна уже участвовал в избрании митрополита Сильвестра Коссова и подписался под актом избрания как "архимандрит печерский киевский, старший монастыря братского Виленского". Но, не получив в свое управление богатой Киево-Печерской лавры, митрополит Сильвестр удерживал за собою до 1650 г. свою прежнюю епископскую кафедру с ее именами, почему и писался: "Сильвестр Коссов, милостию Божию архиепископ митрополит Киевский, Галицкий и всея России, епископ Мстиславский, Оршанский и Могилевский". Нет сомнения, что король утвердил нового митрополита своею грамотою и патриарх Царегородский не только дал свое благословение на посвящение его, но и облек его званием своего экзарха: Коссов, подобно Могиле, писался экзархом Константинопольского патриаршего престола.

К концу года, в который вступил на свою кафедру митрополит Коссов, началось в Юго-Западном крае то великое движение против Польши, которое повело

к присоединению Малороссии к Великой России, а затем и к присоединению Киевской митрополии к Московскому патриархату. Прошло уже пятьдесят лет, как на западе России, находившемся под властью Польши, появилась уния, а вслед за нею обрушились на русских всякого рода бедствия. Их, православных, заставляли отречься от своей родной веры; у них отнимали церкви и монастыри, отнимали пастырей и архиереев, отнимали имущество; их за веру волочили по судам, заключали в темницы, лишали гражданских прав, доводили до совершенного разорения. На защиту православия восстали казаки, но скоро и сами подверглись тяжким стеснениям от польского правительства. Число казаков уменьшено до шести тысяч; вместо гетманов и полковников, которых прежде они сами избирали себе из среды своей, им стали давать гетманов и полковников от Короны. И эти нелюбимые начальники не выдавали казакам жалования, употребляли их на черные работы, посягали на их собственность и вообще обходились с ними как бы с своими хлопами. Всего же несноснее была участь действительных хлопов, русских крестьян, живших в имениях польских панов. Эти паны, католики или окатоличившиеся русские, имели право жизни и смерти над своими крестьянами, обременяли их повинностями и работами, распоряжались по произволу их имуществом, вторгались в их семейный быт. Многие паны, ленись управлять имениями сами, отдавали их в аренду жидам, а вместе с имениями отдавали в аренду самих крестьян и самые их церкви, и жида издевались над несчастными хлопами и их верою как хотели; ключи от церквей держали у себя и брали с православных пошлыны за всякое богослужение и требоисправление, за крещение, за венчание, за погребение и пр. Жалобы на обиды раздавались непрестанно на всем пространстве Западнорусского края, но напрасно. На каждый сейм отправляли казаки и вообще православные своих депутатов с просьбами и требованиями о защите и справедливости, но эти просьбы или оставлялись без внимания, или отлагались до будущих сеймов, или если и исполнялись в некоторой степени, то только на бумаге, а отнюдь не на деле. Выведенные из терпения невыносимыми гонениями, многие южноруссы целыми семействами бежали из польских пределов в московские и селились здесь с разрешения правительства по рекам Донцу, Ворскле и другим на окраинах государства, а казаки несколько раз восставали с оружием в руках на своих притеснителей в защиту своих прав и своей веры. Замечательнейшие из таких восстаний были в двадцатых годах XVII столетия под предводительством гетмана Тараса, а в тридцатых - под предводительством гетмана Павла и потом гетмана Остраницы. Но восстания эти имели мало успеха и оканчивались страшными казнями предводителей и новыми, тяжчайшими притеснениями всем казакам. Такое же восстание против панов поляков, утеснителей русской веры и казачества, задумал теперь и сотник чигиринского полка Зиновий Богдан Хмельницкий, "козак, по свидетельству самовидца, расторопный в делах козацких военных, в письме сведущий и часто бывавший в посольстве у королевского двора". Поводом к восстанию послужили для Хмельницкого тяжкие личные обиды, каким подвергся он от панов державцев польских. Пан Чаплицкий, подстароста чигиринский, выпросил себе у чигиринского старосты, краковского кастеляна и великого гетмана коронного Станислава Конецпольского (скончавшегося весною 1646 г.) принадлежавший Хмельницкому родовой хутор Субботово, неподалеку от Чигирина, и с шайкою голодных людей сделал наезд на этот хутор и завладел гумном,

в котором находилось 40 копен хлеба, а всех домашних Хмельницкого заковал в цепи. Хмельницкий поспешил в Варшаву и выпросил себе у короля Владислава подтвердительную грамоту от 22 июля 1646 г. на владение хутором Субботовым, но грамота ничего не помогла. Хмельницкий принес жалобу в суд на Чаплицкого, но жалоба не была уважена и только еще более раздражила Чаплицкого, который приказал своей дворне схватить сына Хмельницкого, десятилетнего мальчика, и высесть его среди базара плетьюми так жестоко, что он чуть живым принесен был домой и вскоре потом умер. А зять Чаплицкого, пан Комаровский, несколько раз клялся в присутствии разных казаков, что если им, т. е. Чаплицкому и Комаровскому, не удастся сладить с Хмельницким, то они непременно убьют или прикажут убить его. В том же 1646 г., когда Хмельницкий возил к краковскому кастеляну двух пленных татар, в отсутствие его взяли у него из конюшни коня, на котором он ездил в степи. А в следующем 1647 г., когда Хмельницкий ехал подле своего полковника навстречу татарам, сделавшим набег на Чигирин, лях Дашевский, подговоренный кем-то, так сильно ударил сзади Хмельницкого по голове, что размозжил бы ему череп, если б не защитил его железный шлем. Наконец, и новый староста чигиринский, сын прежнего, Александр Конецпольский, хорунжий коронный, поверив клеветам на Хмельницкого, будто он замышляет отправить в море вооруженные суда, и подстрекаемый Чаплицким, разгневался на Хмельницкого и велел искать случая взять его под стражу и отрубить ему голову.

Находясь в таком безвыходном положении около двух лет, Хмельницкий старался обдумать, как бы успешнее повести свое восстание. Он открыл свое намерение Киевскому архиепископу митрополиту, просил его совета и благословения, указывая, без сомнения, прежде всего на те стеснения, какие терпела от поляков православная вера. И митрополит не только дал свое благословение, но и сказал, что пусть будет проклят всяк, кто не примет участия в таком деле, имея возможность помогать ему умом или оружием. С другой стороны, Хмельницкий позаботился достать себе такой документ, которым мог бы убедить казаков, что он подымает оружие вовсе не против короля Владислава, расположенного к казакам, а против своевольных панов польских, и притом "не без ведома и позволения короля". Впоследствии сам Хмельницкий рассказывал об этом следующее: когда мы с полковником Барабашем и другими знатными товарищами находились в 1633 г. при коронации короля Владислава, который особою грамотою подтвердил все наши давние права и вольности, войсковые и малороссийские, и свободу нашей православной веры, то он, прощаясь с нами наедине, говорил нам, чтобы мы твердо стояли при своих правах и привилегиях, не давая их в поругание полякам, и присовокупил: "А если бы польские паны или дозорцы не стали уважать ваших привилегий, то вы имеете при боку мушкет и саблю; ими и можете оборонять от поляков свои права и вольности". Чрез несколько лет вследствие непрекращавшихся притеснений от поляков мы все с Барабашем вновь послали к королю свою жалобу чрез нарочитых послов, и король не только устно, но и "приватным листом своим королевским до Барабаша и до всех нас, казаков" повторил и подтвердил то же королевское свое слово, т. е. что мы "для обороны прав наших имеем мушкет и саблю". Но Барабаш, недруг и нежелатель добра нашей отчизне, скрывал у себя это королевское слово и позволение и не объявлял казакам. И потому я, призвав Бога на помощь, отобрал хитростию у Барабаша